

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЕС*

© 2015 г. А. Волков, А. Гутник, Ю. Квашнин,
В. Оленченко, А. Щедрин

Статья посвящена развитию кризисов и анализу антикризисных мер в различных странах ЕС: Великобритании, Ирландии, Греции, государствах Северной Европы (главным образом в Швеции) и Балтии, чьи экономики оказались слабо подготовленными к функционированию в кризисных условиях. В одних странах противодействие кризисным явлениям опиралось преимущественно на помощь Еврокомиссии, ЕЦБ и МВФ, в других – Великобритании и государствах Северной Европы – превалировали национальные меры.

Ключевые слова: Европейский Союз, финансовый и экономический кризис, антикризисная политика, кризис государственных финансов, безработица, стимулирование экономического роста.

Статья поступила в редакцию 27.10.2014.

В рассматриваемых странах ЕС (Великобритания, Ирландия, Греция, государства Северной Европы и Балтии) глобальный кризис активно проявился в 2008 г., тогда как в Швеции наиболее острые проблемы наблюдались несколько ранее. Отголоски кризиса во многих государствах ЕС ощущаются и сегодня. При этом меры его преодоления во многом схожи. Прежде всего это масштабные вливания государственных средств в национальные экономики, повлекшие за собой быстрое увеличение дефицита бюджетов и стремительный рост государственного долга. Однако

использовались и другие меры, принимавшиеся под диктатом Еврокомиссии, ЕЦБ, МВФ и иностранного капитала. Оценке этих мер и анализу особенностей течения кризиса в указанных странах и посвящена данная статья.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Финансово-экономический кризис, разразившийся более 6 лет назад, в полной мере затронул Великобританию. Продолжительная рецессия распространилась практически на все отрасли национального хозяйства. Уже к концу 2008 г. был зафиксирован значительный спад ВВП, который продолжился и в 2009 г., когда ВВП сократился на 6.3%. Выход британской экономики из кризиса оказался затяжным. В 2010 г. произошло некоторое улучшение макроэкономических показателей, но в целом они были еще не сопоставимы с предкризисными [1].

Серьезно пострадала банковская система Великобритании, в течение многих десятилетий имевшая непоколебимо высокий статус и славившаяся своей надежностью. В разгар же кризиса многие банки страны оказались на грани банкротства. Чтобы удержаться на плаву, они были вынуждены пойти на массовые сокращения штатов и изменение условий кредитования. Это в свою очередь негативно отразилось на производственном секторе, что повело за собой спад в экспорте и импорте товаров и услуг.

В сфере занятости сложилась крайне тяжелая ситуация, характеризовавшаяся стремительным ростом безработицы. При этом многие жители

ВОЛКОВ Алексей Михайлович, кандидат экономических наук, зав. сектором экономики европейских стран ЦЕИ ИМЭМО РАН, РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23 (volkov@imemo.ru).

ГУТНИК Анна Владимировна, научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23 (anngutnik@mail.ru).

КВАШНИН Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, зав. сектором исследований Европейского союза ЦЕИ ИМЭМО РАН, РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23 (ykvashnin@gmail.com).

ОЛЕНЧЕНКО Владимир Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23 (olenchenko.vladimir@mail.ru).

ЩЕДРИН Александр Валентинович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН, РФ, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23 (aschedrin@imemo.ru).

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14-07-00047а “Европейский Союз как испытательная площадка новых антикризисных технологий в условиях глобализации”.

Великобритании, потеряв работу, продолжали нести бремя погашения ранее взятых кредитов, но из-за банковского кризиса утратили возможность относительно дешевого перекредитования для выплат ближайших долгов, а ситуация на рынке недвижимости не позволяла им использовать собственное жилье в качестве залога для получения наличных денег. Увеличилось число персональных банкротств. Снижение покупательной способности и радикальный пересмотр приоритетов в расходах потребителей негативно отразились на розничной торговле, где обанкротилось множество предприятий.

Статус мирового финансового центра и высокая доля финансового сектора в условиях кризиса усугубили действие неблагоприятных внешних и внутренних факторов на экономику Великобритании, долгое время жившей не по средствам. Стремясь повысить конкурентоспособность лондонского Сити на мировых финансовых рынках, британское правительство в течение длительного времени ослабляло контроль над кредитной политикой банков и неэффективно использовало имеющиеся рычаги регулирования. В результате у банков еще до кризиса образовались большие объемы “плохих” и “сомнительных” долгов, а их собственные долги существенно превышали пределы разумного. Как следствие, в период острой фазы финансового кризиса, когда требовалось принятие быстрых и радикальных мер, государство оказалось не в состоянии своевременно и адекватно вмешаться в ситуацию.

Сфера услуг и особенно финансовый сектор в процессе развития и укрупнения хозяйствующих субъектов оттягивали на себя значительную часть капитала, по сути, отбирая его у производственных отраслей. Материальное производство не получало должного финансирования из-за неравномерного отраслевого распределения капитала и в течение достаточно долгого времени заметно отставало по темпам развития.

Финансиализация и деиндустриализация экономики Великобритании снизили ее потенциал в противостоянии кризисным явлениям [2]. Вместе с тем правительство отчетливо понимало, что отказ от масштабной помощи сфере услуг (и прежде всего финансовому сектору) в разгар кризиса и падения практически всех социально-экономических показателей будет губителен для национальной экономики, поскольку доля этой сферы в ВВП и структуре занятости чрезвычайно велика.

Антикризисная стратегия Великобритании опиралась на сочетание жесткой финансовой и мягкой монетарной политики, предусматривались также

структурные и институциональные преобразования в экономике. В рамках пакета антикризисных мер предусматривалось, в частности, сокращение дефицита бюджета и предотвращение его дальнейшего роста и затем постепенное снижение государственного долга до приемлемых значений. Экономия государственных средств достигалась за счет целого комплекса мер: сокращения бюджетов большинства министерств и ведомств; замораживания на несколько лет заработной платы госслужащих; отмены или уменьшения ряда пособий для различных категорий граждан и т.д. Большое значение придавалось также проведению пенсионной реформы, реализация которой долгое время откладывалась [3].

Вместе с тем было очевидно, что такая политика ведет к падению платежеспособного спроса на внутреннем рынке и тормозит экономический рост. В этой связи для стимулирования реального сектора экономики и роста потребления была реализована программа смягчения монетарных ограничений, направленная на наращивание денежной массы в стране. Кроме того, для оживления внешней торговли в 2008–2009 гг. планомерно ослаблялась национальная валюта. Это стало возможным благодаря тому, что Великобритания, не вошедшая в свое время в еврозону, сохранила за собой право проведения самостоятельной денежно-кредитной политики.

Добившись положительной динамики основных макроэкономических показателей, правительство начало постепенно переходить от антикризисной политики к модернизации экономики и решению структурных и институциональных проблем, обнажившихся в период кризиса. Особое внимание уделяется инновационному развитию и производству товаров с высокой добавленной стоимостью. К числу приоритетных направлений научно-технического развития, в частности, отнесены медицинские технологии, новые материалы, перспективная энергетика, биотехнологии, микро- и наноэлектроника. При финансовом содействии правительства создаются центры для развития высокотехнологичных отраслей, реализуется национальный план развития инфраструктуры. Большое внимание уделяется “зеленой” экономике. Предполагается, что совершенствование законодательства в области экологии усилит приток инвестиций в эту сферу.

В целях увеличения занятости в частном секторе в регионах образованы зоны предпринимательства, где действуют пониженные ставки налогообложения, упрощены системы регулирования и правила ведения бизнеса. Большое значение

придается поддержке малого и среднего бизнеса, для чего снижаются ставки и упрощается порядок взимания налога на доходы малых и средних предприятий, введены вычеты из налогооблагаемого дохода до 100% понесенных расходов на НИОКР. По мнению британских чиновников, эти меры позитивно отразятся на конкурентоспособности экономики страны, ускорят рост ВВП и приток иностранных инвестиций [4].

Для повышения эффективности банковской системы и минимизации рисков осуществляется комплекс мер по совершенствованию системы финансового регулирования. Кроме того, правительство проводит реструктуризацию крупных банков путем их раздробления и отделения розничных операций от остальных финансовых услуг.

В целом, затяжной кризис зоны евро, дальнейшая ориентация на укрепление наднациональных механизмов и углубление интеграции в бюджетно-финансовой сфере усиливают евроскептицизм в Лондоне и вынуждают британское правительство искать собственные пути и механизмы преодоления и предотвращения кризисов.

СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Страны Северной Европы активно использовали антикризисные меры в разные периоды своего экономического развития. Несмотря на схожесть модели развития (определяемой как “скандинавская”, или “шведская”), характер экономического цикла в них зачастую различался. Особенно заметно эти отличия наблюдались в Швеции, где кризис 1991–1993 гг. был намного сильнее, чем все последующие. Каковы причины этого?

Во второй половине 80-х годов Швеция решилась на радикальное дерегулирование кредитного рынка, усилившее мотивацию населения к заимствованиям, а банков – к увеличению выдачи кредитов. Однако большая часть кредитных организаций не озаботилась изучением платежеспособности заемщиков и оценкой стоимости предоставленного ими обеспечения. Домашние хозяйства и предприятия брали значительные кредиты, которые расходовались на потребление или вкладывались в быстро растущий рынок недвижимости.

В целях сокращения прироста издержек на номинальную заработную плату правительство пыталось воздействовать на инфляционные ожидания с помощью снижения подоходных налогов, повышения налогов на собственность и на оборот на рынке акций и денежном рынке, а также путем создания так называемых фондов трудящихся. Но в 1989–1990 гг. спираль цен и заработной платы

стала раскручиваться еще сильнее, что вынудило правительство в начале 1990 г. предпринять новую попытку сдерживания роста цен и издержек на заработную плату, в том числе путем их замораживания, но эта попытка оказалась безрезультатной. Уже в 1989 г. на волне прогнозов о высокой инфляции в Швеции и возможной новой девальвации кроны процентные ставки стали повышаться. Осенью следующего года за слухами о девальвации последовал значительный отток валюты, вынудивший Риксбанк вновь повысить процентные ставки. Это повлекло за собой глубокий экономический кризис, когда за два года ВВП страны сократился на 5%, а промышленное производство – на 10% (самый глубокий спад после кризиса 1930-х годов).

Четыре крупнейших партии в Риксдаге выступили с совместной декларацией о намерении Швеции вступить в ЕС, что на практике означало принятие обязательства сохранять стабильность кроны. Правительство предпочитало бороться с инфляцией и поддержало фиксированный валютный курс. В 1991 г. была проведена налоговая реформа, приведшая к повышению реальной процентной ставки для населения после уплаты налогов и росту стоимости кредитов. В условиях повышения процентных ставок и снижения конъюнктуры цены на недвижимость также стали падать, обесценивалось обеспечение кредитов, многие заемщики оказались банкротами, а банки понесли серьезные убытки. Население перестало брать кредиты, что еще больше снизило уровень активности в экономике. В 1992–1993 гг. снижалось и личное потребление в абсолютном выражении.

В итоге в начале 1990-х годов банковская система Швеции пережила глубокий кризис (чего не наблюдалось в 2008–2009 гг.). Осенью 1992 г. государство предоставило гарантии вкладчикам и приступило к реструктуризации банковского сектора. Пытаясь противодействовать финансовому кризису и резкому росту безработицы, правительство вложило примерно 60 млрд. крон в крупные банки, прежде всего в государственный “Нурдбанк”, что способствовало увеличению дефицита государственного бюджета и повышению безработицы. В результате всего за четыре года Швеция из страны с самой сильной системой государственного финансирования превратилась в страну, обремененную быстрорастущими государственным долгом и расходами по его обслуживанию.

В Европе разразился валютный кризис с массовым бегством от слабых валют. Отток валюты из Швеции также резко усилился. В таких условиях Финляндия, Италия и Великобритания отказались

от фиксированного валютного курса. На этом фоне осенью 1992 г. шведское правительство и оппозиция пришли к соглашению о мерах по экономии в рамках двух совместных антикризисных пакетов (о страховании по болезни и от несчастных случаев на производстве и повышении ряда налогов). Но было уже поздно. В ноябре 1992 г. в условиях продолжения оттока валюты крона отправилась в свободное плавание. Швеция перешла к плавающему валютному курсу впервые с 1931 г. Курс кроны значительно снизился, что заметно повысило конкурентоспособность экспортных отраслей промышленности и способствовало резкому росту объема промышленного производства в 1993–1994 гг.

В условиях плавающего валютного курса Риксбанк установил предельный уровень инфляции не более 2% в год с допустимыми краткосрочными колебаниями цен в интервале от 1 до 3%. Однако номинальные и реальные процентные ставки оставались на высоком уровне, что заставило социал-демократическое правительство, пришедшее к власти в 1994 г., ужесточить финансовую политику. Были снижены пенсии (а весной 1995 г. и пособия по безработице), но в то же время повышены как взносы предпринимателей в пенсионную систему, так и подоходные и косвенные налоги. С 1 января 1995 г. Швеция стала членом ЕС и как участница Европейского валютного союза (ЕВС) должна была сократить дефицит государственного бюджета.

В течение 1994–1995 гг. был сокращен государственный сектор. Общая величина экономии расходов и повышения налогов оказалась весьма значительной – примерно 8% ВВП. Кроме того, изменился сам порядок составления государственного бюджета. С 1996 г. Риксдаг стал определять потолок расходов бюджета на три года вперед, что потребовало более дисциплинированного и солидарного обсуждения бюджета. В результате состояние бюджета улучшилось быстрее, чем ожидалось.

Период высокой инфляции в Швеции закончился, хотя и заметно позднее, чем в других странах. Дефицит бюджета значительно сократился, рост государственного долга замедлился, стал сокращаться и его абсолютный объем, инфляция и процентные ставки снизились.

В 1991–1993 гг. глубокий экономический кризис наблюдался не только в Швеции, но и в Финляндии, где в этот период ВВП сократился на 12%. Ситуация здесь усугублялась развалом прежней системы экономических отношений с СССР, на которые приходилась почти $\frac{1}{4}$ внешне-торгового товарооборота страны. В то же время в

другой стране Севера Европы – Дании – кризис проявился заметно слабее (сокращения ВВП не было), а в Норвегии это был период бурного экономического роста.

Финансовый кризис 1997–1998 гг. не оказал серьезного воздействия на североевропейские страны, поскольку Юго-Восточная Азия, Россия и другие затронутые им государства занимали относительно скромное место в их внешнеторговом обороте. Правда, в Норвегии в 1999 г. наблюдался спад из-за снижения цен на нефть, что актуализировало проблему зависимости экономики страны от колебаний нефтяного рынка. Важным шагом в ее решении стало введение в 2001 г. предельной нормы отчислений в бюджет от нефтяных доходов в размере 4%.

В начале 2000-х годов на Швецию (сильнее, чем на соседние страны) оказал влияние спад в США. Значительный внешнеторговый оборот между двумя государствами, большой объем акций в собственности домашних хозяйств и биржа с доминированием акций высокотехнологичных компаний – вот факторы, которые негативно сказались как на потреблении, так и на инвестициях в Швеции при ухудшении экономической ситуации в Соединенных Штатах.

Сильнее многих других стран Швеция пострадала от кризиса 2008 г. Вновь проявилась сильная зависимость экономики страны от внешних рынков. Вследствие этого с осени 2008 г. резко сократились экспорт и промышленное производство, что привело к снижению ВВП в 2009 г. примерно на 5%. Отмечался также значительный рост безработицы, которая достигла 8.4% в 2010 г. При падении производства и низких темпах инфляции усилился риск перехода к дефляции. Особенно заметно в сравнении с другими странами ухудшилось состояние государственных финансов. Профицит бюджета в размере 2.5% ВВП в 2008 г. через год сменился его дефицитом в 1%. В том же 2009 г. объем государственного долга увеличился с 38 до 42% ВВП.

В 2009 г. правительство Швеции направило на стимулирование экономики порядка 45 млрд. крон, или примерно 1.5% ВВП. Почти такая же сумма была выделена и на 2010 г. Предусматривалось создание большего числа рабочих мест с так называемыми гарантиями работы и развития, а также рабочих мест для молодежи. В целом меры по стимулированию экономики смогли серьезно поддержать внутренний спрос в стране в период кризиса, что самым положительным образом сказалось на рынке труда и государственных финансах.

В меньшей степени, чем в других североевропейских государствах, кризис 2008 г. сказался на экономике Норвегии. Тем не менее вследствие сокращения экспорта традиционных товаров на 7% ВВП страны снизился в 2009 г. на 1.4%. В этих условиях Банк Норвегии расширил свои операции с ликвидными ценными бумагами. Правительство создало два фонда по 50 млрд. крон в каждом для поддержания банковского кредитования, а также направило дополнительные инвестиции в общественное строительство и снизило налоги.

В Дании, как и в Швеции, в острую фазу кризиса ВВП сократился примерно на 6%, что обуславливалось главным образом снижением внутреннего спроса и экспорта. Еще глубже был спад в Финляндии, где в 2009 г. ВВП сократился на 8.3%, а экспорт более чем на 20%. Во многом это объяснялось проблемами, возникшими у флагмана финской экономики, лидера телекоммуникационной отрасли – *Nokia*, чья доля в начале 2000-х годов составляла в ВВП 2.7%, в НИОКР – 35 и в экспорте – 21%. В целях преодоления кризиса правительство приняло ряд мер по стимулированию экономики, их общая стоимость оценивалась примерно в 1.5% ВВП в 2009 г. и 1% – в 2010-м, при этом основной акцент был сделан на снижение ставок подоходного налога.

Уже в 2010 г. ВВП Швеции, отчасти за счет эффекта низкой базы 2009 г., вырос на 6.1%, что в два раза превысило средний показатель стран ОЭСР. В этом же году экспорт увеличился на 11.7%, чего не наблюдалось с 1994–1995 гг. Особенно заметным был его рост в отраслях, наиболее пострадавших в 2009 г. (автомобильной, металлургической и горнодобывающей). Восстановлению конкурентоспособности промышленности способствовало также повышение курса кроны.

Однако экономический рост в Швеции не принял устойчивого характера. Кризис в еврозоне привел к ухудшению мировой конъюнктуры и значительному сокращению экспорта из страны. Вследствие этого в IV квартале 2011 г. ВВП Швеции снизился на 1%. В то же время умеренно мягкая финансовая политика помогла избежать кризиса. В 2013 г. расходы на стимулирование экономики оценивались примерно в 25 млрд. крон, или 0.7% ВВП.

Как отмечалось, в меньшей степени пострадала от ухудшения мировой конъюнктуры в период глобального кризиса экономика Норвегии. Ее экспорт нефти и газа и тогда, и сейчас главным образом ограничивается объемами добычи на континентальном шельфе.

В Дании в условиях значительного бюджетного дефицита в 2010 г. правительство выдвинуло трехлетнюю программу экономии в объеме 24 млрд. крон, предполагавшую сокращение государственных инвестиций, задержку перерасчета пенсий и других трансфертов, а также отмену планировавшегося ранее снижения ряда налогов. Только в 2013 г. парламент одобрил два так называемых “пакета роста”. В первом предусматривалось снижение налога на компании с 25 до 22% и налога на потребление энергии для предприятий; во втором – дальнейшее снижение налога на услуги, связанные с жилищным сектором, а также и снижение акцизов на пиво и другие напитки.

В Финляндии, где вследствие резкого падения экспорта и сокращения ВВП в период кризиса положение было еще хуже, чем в Дании, правительство пошло на ограничение расходов, повышение налога на добавленную стоимость и акцизов, а также пенсионных взносов.

Таким образом, для стран Северной Европы характерны различные причины кризисов, отсюда и различия в методах их преодоления.

ИРЛАНДИЯ

В конце XX – начале XXI в. Ирландия была одной из наиболее динамично развивающихся стран мира и по темпам экономического роста занимала лидирующие позиции в ЕС: ее ВВП в 1994–2000 гг. рос в среднем на 8% в год, а в 1994–2007 гг. – на 6%. В 2007 г. (последнем благополучном году перед кризисом) экономика Ирландии также находилась на подъеме, о чем свидетельствовали практически все макроэкономические показатели. ВВП в текущих ценах вырос по сравнению с предыдущим годом на 6.2%, расходы домашних хозяйств – на 9.6%, был зафиксирован прирост экспорта на 8.3% и импорта – на 9.5%, заработная плата поднялась на 3.5%, а уровень безработицы составлял всего 4.6%, причем долгосрочная безработица не превышала 1.3%.

Состояние государственных финансов Ирландии накануне кризиса тоже не внушало опасений: бюджет на 2007 г. был сведен с небольшим профицитом в размере 0.2% от ВВП (554 млн. евро), а государственный долг не превышал 25%. Но начавшийся в 2008 г. мировой финансовый кризис, быстро переросший в кризис общеэкономический, показал всю хрупкость и уязвимость национальной экономики перед глобальными потрясениями. Ирландия первой из стран еврозоны вошла в кризис и пострадала от него гораздо сильнее

большинства других стран ЕС. Уже в 2008 г. ВВП упал на 5.2% и продолжал сокращаться вплоть до 2013 г. Правда, после 2009 г. темпы падения постепенно замедлялись и в 2013 г. экономика практически стабилизировалась (снижение ВВП составило лишь 0.3%) и вышла на траекторию роста. В течение пяти лет отмечалось также весьма значительное снижение объемов инвестиций в национальную экономику, стремительно росла безработица (достигнув максимального уровня в 15%), падали экспорт и импорт, ухудшились многие другие социально-экономические показатели.

Ирландское правительство незамедлительно начало реагировать на кризис, однако никакой продуманной антикризисной программы у него не было. Проблема усугублялась тем, что в силу чрезвычайной открытости ирландской экономики и ее сильной зависимости от прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и мирового рынка кризис в страну был фактически импортирован. Поэтому правительство с той или иной степенью успешности могло бороться лишь с его непосредственными проявлениями, но не с глубинными причинами, сформировавшимися за пределами страны. Важно также отметить, что относительно самостоятельная антикризисная политика в Ирландии проводилась только до конца 2010 г., после чего правительство официально обратилось за финансовой помощью к ЕС и МВФ и получило ее в обмен на обязательство выполнять все рекомендации “тройки” (Европейская комиссия, ЕЦБ и МВФ).

Начало кризиса в Ирландии, как и в США и ряде других стран, внешне выглядело как масштабный сбой механизма взаимодействия между банками, ипотечными заемщиками и строительной отраслью, вызвавший серьезные затруднения во всей финансовой системе страны. Бум в индустрии жилищного строительства продолжался с 1999 г. В этот период Ирландия вошла в еврозону, что способствовало резкому снижению ставок по ипотечным кредитам. Банки охотно выдавали такие кредиты населению, секьюритизировали их, финансировали строительные компании под залог земельных участков и строящегося жилья и в огромных объемах заимствовали средства для рефинансирования на внешних рынках.

Однако после того как кризисные явления в экономике США распространились на мировое хозяйство и рынки стали сжиматься, представленные преимущественно предприятиями с участием иностранного капитала и ориентированные на экспорт отрасли национальной экономики отреагировали на падение мирового спроса сокращением объемов производства, увольнением избыточного

персонала и “замораживанием” или даже прямым либо завуалированным урезанием заработной платы. Это привело к снижению платежеспособности домохозяйств, сокращению совокупного внутреннего спроса (то есть распространению спада на отрасли, обслуживающие внутренний рынок). Упал спрос на жилье, выросли просрочки платежей по ипотечным кредитам, значительно обесценилась недвижимость. В результате вся банковская система Ирландии оказалась на грани коллапса, поскольку банки стали испытывать трудности с ликвидностью, а пополнить ее из внешних источников из-за кризиса не могли.

В таких условиях первоочередной задачей правительства стала стабилизация национальной банковской системы. Шаги, предпринятые в этом направлении, оригинальностью не отличались и сводились в основном к накачке банков ликвидностью. Так, все крупнейшие и ряд средних банков получили прямую помощь в виде средств бюджетных фондов, предоставлявшихся на продолжительный срок и под минимальные проценты. Весьма неоднозначным решением стало гарантирование в конце 2008 г. государством всех вкладов, размещенных в национальных банках (на общую сумму почти 400 млрд. евро, фактически равную двум ВВП страны). Сразу же появились сомнения в способности государства выполнить свои обязательства. Тем не менее эта мера дала краткосрочный положительный эффект: из британских банков депозиты стали перетекать в ирландские банки, что позволило им восполнить дефицит ликвидности и удержаться на плаву.

Не обошлось и без национализации (объявленной временной мерой), государственного участия в капитале банков и введения внешнего управления. В частности, правительство было вынуждено национализировать крупнейший и самый проблемный Англо-ирландский банк (АИБ), который впоследствии был разделен на две банковские структуры и в конце концов ликвидирован. Некоторые кредитные институты подверглись реорганизации и под давлением правительства были вынуждены частично или полностью избавиться от своих зарубежных филиальных сетей. Наконец, государство создало Национальное агентство по управлению активами (*NAMA*), которое за счет государственных средств выкупало у банков несколькими траншами и с большим дисконтом “плохие” долги и секьюритизировало их, выпуская среднесрочные и долгосрочные облигации.

Несмотря на все принятые правительством меры, процесс преодоления кризиса в Ирландии затянулся. В конце 2010 г. финансово-экономиче-

ская ситуация в стране резко и неожиданно обострилась, что вынудило правительство обратиться за помощью к ЕС и МВФ, которые предоставили Ирландии 85 млрд. евро в форме кредитов сроком от 3 до 7.5 лет под среднюю ставку 5.83% годовых. С этого момента страна частично утратила свой экономический и финансовый суверенитет. Вплоть до официального выхода из программы помощи в самом конце 2013 г. она лишилась возможности проводить самостоятельную бюджетно-финансовую и в более широком смысле антикризисную политику, поскольку центр принятия всех важнейших решений в этой сфере переместился в Брюссель, Вашингтон и Франкфурт. В обмен на помощь ЕС и МВФ потребовали от Ирландии немедленного укрепления и оздоровления банковской системы, проведения реформ на рынке труда и, самое главное, соблюдения строжайшей бюджетной дисциплины с тем, чтобы дефицит бюджета к 2015 г. опустился до 3% от ВВП.

В настоящее время ситуация в Ирландии постепенно улучшается, страна возвращается на траекторию экономического роста, хотя макропоказатели пока остаются неустойчивыми и нет оснований утверждать, что кризис преодолен. Действия “тройки” позволили стабилизировать финансы Ирландии, вынудили государство сократить бюджетный дефицит почти до 5% в 2014 г. и провести радикальное оздоровление банковского сектора, подтолкнули правительство к реформированию здравоохранения и пенсионной системы. В случае с Ирландией вмешательство МВФ, Еврокомиссии и ЕЦБ оказалось успешным в смысле достижения конкретных целей восстановления финансовой стабильности, суверенной платежеспособности и закладки основ для возвращения страны к устойчивому развитию. Однако требуется тщательное осмысление и анализ причин кризиса с тем, чтобы подготовиться к возможному новому кризису и если не избежать, то хотя бы смягчить его.

Сегодня и в академической, и в политической, и в деловой среде Ирландии анализируются возможные последствия тех мер строжайшей бюджетной экономии, которые рекомендованы Еврокомиссией и МВФ всем столкнувшимся с кризисными явлениями странам без исключения. С одной стороны очевидно, что, имея ограниченные финансовые ресурсы и сокращающиеся в периоды кризисов возможности для заимствования из внешних источников, государство обязано заботиться о росте наполнения бюджета и рациональном перераспределении расходов между статьями. С другой стороны, течение кризиса в Ирландии по-

казало, что чрезмерное сокращение бюджетных расходов и увеличение доходов путем повышения существующих и введения новых налогов и сборов в малой стране, где относительно велика доля населения, полностью или частично зависящего от доходов, получаемых от государства (госслужащие всех категорий, пенсионеры, безработные, инвалиды, семьи с детьми и т.д., а также, опосредованно, люди, занятые в инфраструктурных и иных проектах, реализуемых государством), неизбежно ведет к ощутимому падению совокупного внутреннего спроса и, как следствие, к стагнации или снижению объемов производства в отраслях, обслуживающих внутренний рынок. В результате происходит искусственная консервация кризиса. Таким образом, перед государством стоит задача определения оптимальных пределов манипулирования бюджетом.

Другая серьезная проблема – приведение банковской системы в соответствие с реальными потребностями национальной экономики и усиление государственного контроля над банками и финансовым сектором в целом, что должно препятствовать формированию и накоплению специфически финансовых причин развития кризиса. Важным шагом в этом направлении уже стал принятый в декабре 2010 г. Закон о кредитных учреждениях, который наделил министра финансов, работающего совместно с управляющим Центральным банком Ирландии, весьма обширными полномочиями по вмешательству в деятельность отдельных банков и всей банковской системы. Вместе с тем необходимы дополнительные механизмы регулирования банковского сектора уже не во время кризиса, а в периоды нормального функционирования экономики. В частности, речь идет об ужесточении контроля над заимствованиями банков на внешних рынках капиталов.

Третья проблема – самая сложная – заключается в чрезвычайно высокой степени открытости ирландской экономики. Зависимость от ПИИ ТНК и внешней торговли и неспособность отраслей, ориентированных на внутренний рынок, выступить “локомотивами” роста в чрезвычайных обстоятельствах крайне негативно сказались на течении кризиса и обусловили его затяжной характер. Оказалось, что у государства фактически нет никаких рычагов воздействия на целые сектора экономики, находящиеся под контролем иностранного капитала. Решение названной проблемы предполагает разработку специальных программ повышения конкурентоспособности страны на глобальных рынках, применение селективного подхода к привлечению иностранных

инвестиций, “выращивание” при поддержке государства в наиболее передовых наукоемких отраслях национальных компаний мирового уровня, способных стать лидерами в узкоспециализированных “нишевых” секторах рынка, создание иных механизмов, смягчающих воздействие внешних потрясений на экономику страны.

ПРИБАЛТИКА

Страны Балтии вошли в состав Евросоюза 1 мая 2004 г. Однако десятилетний юбилей членства в этой организации не отмечался ни на национальном, ни на общеевропейском уровнях, поскольку показатели развития этих стран пока не вызывают оптимизма. За прошедшее десятилетие только четыре года (2004–2007) выглядели ободряющими и давали основание экспертам говорить о начале экономического рывка в Прибалтике. В эти годы темпы прироста ВВП Латвии, Литвы, Эстонии достигали 7%. Основой роста служило энергичное освоение североевропейским капиталом их финансового рынка.

В дальнейшем мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. получил продолжение в виде кризиса зоны евро, перешедшего в открытую фазу весной 2010 г. И пока он не завершен. В настоящее время Евросоюз в целом и отдельные входящие в него страны по-прежнему заняты восстановлением своих экономик до кризисного уровня и переходом к эффективному росту. Однако признаки радикального улучшения ситуации пока не просматриваются [5]. Это означает, что экономики стран Балтии, по существу, уже более семи лет пребывают в кризисе, который принимает то вялотекущий, то активный характер.

В годы, предшествующие вступлению в Евросоюз, в прибалтийских республиках наблюдались эйфория и уверенность в том, что, войдя в ЕС, они в сжатые сроки достигнут уровня благосостояния таких ведущих стран, как Германия, Франция, Италия. Политики, экономисты и простые граждане искренне считали экономическую мощь Евросоюза незыблемой, а его потенциал безграничным. Политическое руководство глубоко не задумывалось о национальных перспективах, полагая, что все возможные варианты развития для стран Балтии тщательно просчитаны Еврокомиссией, а значит, можно не бояться за будущую стабильность.

Следует добавить, что эти страны не имели достаточного опыта самостоятельной государственности, у их руководителей со времен пребывания в составе СССР сформировалась привычка наде-

яться на постоянное доброжелательное патронирование и безотказное дотирование национальных экономик. Даже когда признаки надвигающегося кризиса стали приобретать зримые очертания, в странах Балтии сохранялся оптимизм, базирующийся на вере в то, что о них побеспокоится Брюссель. Они ни морально, ни организационно не были готовы к преодолению кризиса, а тем более к длительному функционированию национальных экономик в кризисных условиях. В силу же предкризисной пассивности Еврокомиссии своевременной методической и финансовой помощи со стороны ЕС они не получили.

В результате антикризисная деятельность в странах Балтии осуществлялась *ad hoc*, то есть по складывающейся ситуации. На нее оказывали влияния три основных фактора: действия самих национальных правительств, меры иностранного капитала по обеспечению безопасности своих активов на территории стран Балтии, антикризисные решения Евросоюза.

При наступлении кризиса правительства государств Балтии намеревались прибегнуть к испытанному приему – девальвации валют, что должно было повысить конкурентоспособность национального капитала и способствовать улучшению финансового положения. Однако этому воспротивился североевропейский капитал, чьи активы большей частью были представлены кредитами прибалтийским домохозяйствам и бизнесу в местной валюте. Фондирование же происходило в долларах, переводимых из стран Северной Европы в Прибалтику. Возможная девальвация обесценила бы выданные кредиты. В конечном итоге прибалтийские правительства отказались от ее проведения и прибегли к секвестированию бюджетов за счет уменьшения расходов по социальным статьям. Одновременно последовали обращения в Еврокомиссию за дополнительными дотациями.

Иностранный капитал, представленный в финансовой сфере стран Балтии главным образом североевропейскими финансовыми группами (*Swedbank*, *SEB* и др.), накануне кризиса занимал доминирующие позиции в их банковском секторе. Во время кризиса эти группы вывели из него значительный объем средств, в частности путем трансформации локализованных в странах Балтии банков в филиалы, что освободило те от необходимости резервирования средств в местных центробанках. Другим инструментом обеспечения безопасности активов стало успешное лоббирование североевропейскими странами присоединения прибалтийских республик к зоне евро (Эстония –

с 01.01.2011 г., Латвия – с 01.01.2014 г., Литва – с 01.01.2015 г.). Введение евро исключало возможность девальвации местных валют, то есть обесценения кредитов, выданных североевропейцами в Прибалтике.

Помимо общих для всех членов ЕС антикризисных мер Евросоюз разработал специальные меры для стран Балтии, направленные на более широкое и полное переключение их экономик на сотрудничество и интеграцию со странами Северной Европы как основными инвесторами. В свою очередь, государствам Северной Европы в косвенной форме предлагалось “позаботиться” о странах Балтии и оказать им всемерную помощь в преодолении последствий кризисов.

Контуры концепции такого сотрудничества, а по существу, создания временных зон влияния, обрисованы в Стратегии ЕС для Балтийского региона. Анализ воплощения этой концепции на практике дает основание для гипотезы о формировании в Евросоюзе временных на период кризиса или постоянных зон влияния. Так, немецкие инвесторы, которые в 90-х годах XX столетия успешно осваивали прибалтийский рынок, прежде всего его банковский сектор и сектор недвижимости, в середине 2000-х без видимых причин фактически свернули свою деятельность в этом регионе, уступив позиции североевропейскому капиталу.

В антикризисных мерах Еврокомиссии основной акцент в Балтийском регионе сделан также в пользу инвестиций в инфраструктурные проекты. К примеру, реанимирован проект *Rail Baltica*, предусматривающий железнодорожное соединение Северной Европы через прибалтийские страны со странами Центральной (Польша, Германия) и Южной Европы (Италия). По признанию официальных лиц государств Балтии, проект вряд ли будет прибыльным, но его реализация может оживить хозяйственную деятельность в регионе и стимулировать развитие смежных отраслей. Формирование новых железнодорожных сетей, в частности, повысит спрос на электроэнергию и даст толчок развитию электроэнергетики. Роль координатора проекта возложена на Финляндию, в Хельсинки будет располагаться и его штаб-квартира.

На экономике ЕС могут негативно сказаться антироссийские санкции Брюсселя, увязанные с политико-экономическим кризисом на Украине. Принятые в ответ Россией защитные меры могут если не усугубить кризис, то заметно затормозить развитие европейской экономики. Так, по оценке банка *ING* (Нидерланды), частичный отказ Рос-

сии от импорта из ЕС будет стоить Евросоюзу 6.7 млрд. евро убытков и увеличит число безработных в ЕС на 130 тыс. человек. Наибольшие потери, как прогнозируют в *ING*, понесет Германия – почти 1.3 млрд. евро. От сокращения рабочих мест больше всего пострадает Польша, которая потеряет около 23 тыс. рабочих мест. Сокращение торговли с Россией сильнее всего ударит по странам Балтии: Литва может потерять 0.4% своего ВВП, Эстония – 0.35%, Латвия – 0.2% ВВП.

Таким образом, ни иностранный капитал, ни европейская бюрократия пока не стремятся разделить со странами Балтии тяготы выхода из кризиса. Издержки перекладываются главным образом на население и бизнес самих этих стран. Ситуация усугубляется еще и тем, что национальные власти не располагают необходимыми источниками инвестирования, такие источники представлены главным образом капиталом Северной Европы и Евросоюза [6].

Определенные надежды на улучшение ситуации в странах Балтии связываются с новым составом Еврокомиссии, приступившим к выполнению своих полномочий с 1 ноября 2014 г. Обнадеживает, в частности, то, что новый председатель Ж.-К. Юнкер относит себя к сторонникам углубления интеграционных процессов в Евросоюзе. Он выступает откровенным оппонентом Ж. Баррозу, ставившему во главу угла своей деятельности безудержное расширение Евросоюза за счет приема новых членов. Речь при этом шла не только о новых рынках, но и о противоборстве с Россией и попытках европейской переориентации стран постсоветского пространства.

ГРЕЦИЯ

Среди стран ЕС Греция в наибольшей степени пострадала от мирового экономического кризиса. Именно здесь рецессия стала самой глубокой и продолжительной, а антикризисные меры повлекли за собой коренной пересмотр той социально-экономической модели, которая действовала там на протяжении трех предшествующих десятилетий. Проводившаяся под давлением наднациональных европейских органов власти неолиберальная политика сопровождалась серьезными социальными потрясениями и в 2012 г. привела к фактическому краху прежней партийно-политической системы.

Кризис в Греции, толчком к которому стали рост дефицита бюджета и государственной задолженности, был вызван комплексом застарелых проблем. Некоторые из них – невыгодная экспортная

специализация, обусловленная структурной слабостью экономики, доминирование государства в хозяйственной жизни и зарегулированность рынка – были характерны для всех полупериферийных стран Южной Европы [7]. Но существовали и специфические проблемы, отличавшие греческую модель от других национальных моделей южноевропейских стран, которые препятствовали своевременному проведению реформ и в значительной степени определили масштаб кризиса, с которым столкнулась Греция.

В 1980-е годы в стране распространилась порочная практика политического и экономического клиентелизма. Руководители двух ведущих партий (левоцентристской ПАСОК и правоконсервативной “Новой демократии”) за счет государственных средств поощряли лояльных избирателей, раздавая должности в разросшемся госсекторе, применяя избирательный подход при выявлении случаев коррупции и неуплаты налогов [8]. Острая политическая конкуренция между этими партиями и отсутствие между ними консенсуса относительно необходимости преобразований привели к тому, что политические элиты страны оказались принципиально неготовыми к решению задач структурного реформирования экономики и следованию политике ЕС, направленной на достижение стабильного развития [9].

Антикризисные преобразования, начавшиеся в Греции в 2010 г. и продолжающиеся по сей день, осуществляются под жестким контролем со стороны международных кредиторов – МВФ, ЕЦБ и Еврокомиссии. Предоставляемые Греции займы увязаны с необходимостью проведения жесткой бюджетной политики, предполагающей повышение налогов и сокращение государственных расходов, и осуществления структурных реформ в таких сферах, как пенсионное обеспечение, трудовое законодательство, здравоохранение, образование. Каждый из двух стабилизационных пакетов, утвержденных в 2010 и 2012 гг. (первый – на 110, второй – на 130 млрд. евро), выделялся в рамках нескольких траншей. При этом решения об их перечислении принимались по результатам инспекционных поездок представителей “тройки” кредиторов в Афины.

Вопреки первоначальным заявлениям греческих властей о том, что при помощи полученных займов экономика страны сможет в течение двух лет вернуться на траекторию роста, антикризисные меры обернулись беспрецедентной для послевоенной Европы рецессией. Лишь в 2014 г. Греция впервые за семь лет показала незначительный прирост ВВП (0.6%, по предва-

рительным оценкам Евростата). Сопоставление текущих макроэкономических показателей с докризисными свидетельствует о том, что госдолг Греции, на борьбу с которым были направлены меры экономии, возрос с 2008-го по 2013 г. более чем в полтора раза (с 112.9 до 175.1% к ВВП). И это произошло, несмотря на то что в 2012 г. кредиторы согласились на “управляемый дефолт” Греции – списание 53.5% задолженности перед частным сектором.

Сокращение госрасходов в Греции сопровождалось падением платежеспособного спроса населения, в результате чего экономика попала в спираль долгового сжатия. Каждый новый виток бюджетных мер экономии вел к падению ВВП, который за время кризиса уменьшился примерно на четверть, снижению поступлений в бюджет и, как следствие, необходимости принимать новые меры экономии. Главным социальным последствием стал взрывной рост безработицы – с 7.7 до 27.3% среди экономически активного населения и с 22.1 до 58.3% – среди молодежи.

Как успех можно отметить выход на положительный платежный баланс благодаря резкому сокращению импорта в условиях падения потребления (до 69.4% от уровня 2005 г.) и развитию традиционного для Греции туристического сектора. Другим предметом гордости греческого правительства стал объявленный в 2013 г. первичный (до выплат по долгам) профицит государственного бюджета, достигший 1.5 млрд. евро (0.8% ВВП). Однако это было связано с введением чрезвычайного налога на недвижимость, взимавшимся в 2011–2013 гг. и вызвавшим бурю возмущения среди населения, а также с изменением методики статистического учета.

Несмотря на то что в 2013 г. экономическая ситуация стала улучшаться, в условиях почти двукратного падения инвестиций в основной капитал (норма накопления снизилась с 22.6 до 12.1%) быстрое восстановление экономики после рецессии крайне маловероятно. Теоретически у Греции есть потенциал для диверсификации экономики за счет развития новых отраслей (фармацевтическая промышленность, медицинский туризм, аквакультура), а также для использования выгодного географического положения страны. Но его реализации препятствует систематическое недоинвестирование экономики [10]. Не принесла результатов и объявленная в 2011 г. программа приватизации государственного имущества – в условиях спада экономики и сохранения высокой налоговой нагрузки на бизнес греческие

активы оказались непривлекательными с точки зрения иностранных инвесторов.

Даже по самым оптимистическим прогнозам ВВП Греции выйдет на докризисный уровень не ранее 2020 г., но и этот результат будет возможен лишь в том случае, если международные кредиторы согласятся на дальнейшую реструктуризацию долга, то есть на пролонгацию сроков погашения займов, снижение процентов или списание части задолженности.

Анализируя неутешительные итоги греческого опыта, многие эксперты говорят о полном провале неолиберальных методов борьбы с кризисом, а сама страна предстает в роли жертвы навязанной Брюсселем и Берлином экономической политики [11]. Более того, промедление европейских властей в выделении стабилизационных займов привело к распространению долгового кризиса на другие европейские страны (помимо Греции за финансовой помощью к ЕС обратились Ирландия, Португалия, Испания и Кипр), а в 2012 г. – во второй за четыре года рецессии в Евросоюзе.

Действительно, если в качестве критерия эффективности антикризисных мер в Греции ориентироваться на скорость восстановления ВВП, то подходы к решению проблем этой страны доказали свою несостоятельность (некоторые исследователи дают еще более резкие оценки, называя их “финансовой шизофренией” [12]). Однако если за критерий взять скорость проведения структурных реформ и достигнутые успехи на пути “европеизации” греческой модели [13], то выводы будут совсем другие. Даже греческие экономисты признают, что антикризисные меры способствовали серьезной трансформации национальной социально-экономической модели, которая без постоянного давления извне вряд ли была бы возможна [14].

Наиболее глубокая и последовательная реформа проведена в системе пенсионного обеспечения, и это неслучайно, так как на ее поддержку уходили 2/3 всех социальных расходов государства. Помимо сокращения (на 20% для обычных пенсий и на 40% – для досрочных) и отказа от практики выплаты 13-й и 14-й (рождественской и пасхальной) пенсий, были изменены сами подходы к их начислению. Величина пенсии стала зависеть от заработка работника на протяжении всей его карьеры, а не только последних 5–10 лет. Запрещалось увеличивать пенсии на сумму, превосходящую изменение индекса потребительских цен. Были существенно ограничены возможности для досрочного выхода на пенсию, а трудовой стаж, необходимый для ее получения, возрос с 35 до 40 лет. Пенсионный возраст также был увеличен – сначала до 65, а

с 2012 г. – до 67 лет как для мужчин, так и для женщин. Благодаря этим мерам рост государственных расходов на пенсионное обеспечение в ближайшее десятилетие будет несущественным. Если в 2010 г. они составили 13.6% ВВП, то к 2060 г., по прогнозам, должны увеличиться до 14.6%, что в целом соответствует средним показателям по ЕС (соответственно 11.3 и 12.9% ВВП) [15].

Другая важная реформа связана с изменением трудового законодательства. Главным ее содержанием стало упрощение практики заключения коллективных трудовых соглашений и процедуры увольнения сотрудников, либерализация так называемых закрытых профессий с ограниченным количеством выдаваемых государством лицензий, снижение минимального размера оплаты труда, а также ограничение бонусных выплат к зарплате. В государственном секторе, который ввиду своей неэффективности уже много лет остается проблемным сегментом экономики страны, был уменьшен наем новых работников взамен ушедших на пенсию, а в апреле 2013 г. парламент одобрил закон о сокращении 15 тыс. чиновников.

Структурное реформирование затронуло также сферу здравоохранения, где преобразования осуществляются под лозунгом повышения качества медобслуживания при одновременном снижении его затратности, а главными недостатками объявлены коррупция и забюрократизированность процедуры предоставления медицинских услуг. Для решения названных задач были объединены действующие в стране страховые фонды, введена электронная система выдачи рецептов, переориентирован фармацевтический рынок на более дешевые местные лекарственные средства (джерерики) взамен дорогих импортных, увеличено количество выдаваемых лицензий на ведение фармацевтического бизнеса (ранее их число было строго ограничено, что препятствовало конкуренции в данной отрасли).

Реформирование греческой экономики еще далеко от завершения. До сих пор не решен вопрос с приватизацией государственной собственности, только начинаются реформы в сфере образования. Тем не менее за время кризиса в Греции было сделано больше, чем за предыдущие несколько десятилетий. Важно отметить, что трансформация произошла не только в социальной и экономической сферах, но и в политической системе. В СМИ обычно делается акцент на негативных тенденциях – росте влияния радикальных партий, распространении ксенофобии и национализма. Но нельзя не видеть, что именно благодаря кризису в

Греции произошла консолидация политических элит. Уже несколько лет у власти находятся коалиционные правительства, которые принимают совместные решения, в том числе по сложным и болезненным вопросам. В результате антикризисных мер Греция стала менее богатой страной, но во многих аспектах более “европейской”.

К итогам греческого эксперимента можно также отнести усиление интеграционных процессов и укрепление контрольных и надзорных функций Евросоюза, создание новых институтов и механизмов, направленных на дальнейшую бюджетную и финансовую консолидацию ЕС и предотвращение кризисов, аналогичных греческому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Office for National Statistics*. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/office-for-national-statistics> (accessed 07.09.2014).
2. Хесин Е.С. Экономика Великобритании: угроза рецессии сохраняется. [Khesin E.S. Ekonomika Velikobritanii: ugroza retsessii sokhranyaetsya [UK Economy: the Threat of a Recession Remains]] Available at: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2360#top (accessed 07.09.2014).
3. Джордж Осборн представил бюджет Британии на 2012 год. [George Osborne Presented a Budget of Britain in 2012 (In Russ.)] Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2012/03/120321_uk_osborne_budget.shtml (accessed 07.09.2014).
4. *Office for National Statistics*. Available at: <https://www.gov.uk/government/organisations/office-for-national-statistics> (accessed 20.10.2014).
5. Available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/eurostat/home> (accessed 20.10.2014).
6. Available at: http://www.vedomosti.ru/finance/news/32355871/ing-otkaz-rossii-ot-zakupok-prodovolstviya-v-evrope-budet?utm_source=newsletter&utm_medium=content&utm_campaign=alerts (accessed 20.10.2014).
7. Авилова А.А. Проблема сближения уровней развития в ЕС и Еврозоне: опыт Греции. *Современная Греция в мировой экономике и политике*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013, сс. 18-30. [Avilova A.A. Problema sblizheniya urovnei razvitiya v ES i Evrozone: opyt Gretsii [The Problem of Convergence of Development Levels in the EU and the Eurozone: the Experience of Greece]. *Sovremennaya Gretsia v mirovoi ekonomike i politike* [Modern Greece in the Global Economy and Politics]. Moscow, IMEMO RAN, 2013, pp. 18-30.]
8. Lyrntzis C. Political Parties In Pose-Junta Greece: A Case of “Bureaucratic Clientelism”? *West European Politics*, 1984, vol. 7, iss. 2, pp. 99-118.
9. Улунян А.А. Концепция греческой экономики и причины кризиса. *Современная Греция в мировой экономике и политике*. Москва, ИМЭМО РАН, 2013, сс. 6-17. [Ulunyan A.A. Kontseptsiya grecheskoi ekonomiki i prichiny krizisa [The Greek Economic Model and Causes of the Crisis]. *Sovremennaya Gretsia v mirovoi ekonomike i politike* [Modern Greece in the Global Economy and Politics]. Moscow, IMEMO RAN, 2013, pp. 6-17.]
10. *Greece 10 Years Ahead. Defining Greece's New Growth Model and Strategy*. McKinsey & Company, June 2012, Report no 1/15. Available at: http://www.mckinsey.com/locations/athens/greeceexecutivesummary_new/pdfs/executive_summary_english_new.pdf (accessed 24 September 2014).
11. Krugman P. Greece as Victim. *The New York Times*, June 17, 2012. Available at: http://www.nytimes.com/2012/06/18/opinion/krugman-greece-as-victim.html?_r=0 (accessed 24 September 2014).
12. Катасонов В. *Евросоюз: финансовая шизофрения или склонность к самоубийству?* [Katasonov V. *Evrosoyuz: finansovaya shizofreniya ili sklonnost' k samoubiystvu?* [The European Union: Financial Schizophrenia or Suicidal Tendency?]]. Available at: <http://www.fondsk.ru/news/2013/08/26/evrosouz-finansovaja-shizofrenija-ili-sklonnost-k-samoubiystvu-i-22363.html> (accessed 24 September 2014).
13. Ladi S. *The Eurozone Crisis and Austerity Politics: A Trigger for Administrative Reform in Greece?* Hellenic Observatory, 2012. Available at: <http://eprints.lse.ac.uk/43383> (accessed 24 September 2014).
14. Mitsopoulos M., Pelagidis T. *Understanding the Crisis in Greece. From Boom to Bust*. New York, Palgrave Macmillan, 2011. 268 p.
15. Symeonidis G. *The Greek Pension Reform Strategy 2010–2013. Steering away from the Tip of the Iceberg?* World Pension Summit. Amsterdam, 2013, pp. 1-14.

**EXPERIENCE OF OVERCOMING OF CRISIS PHENOMENA
IN SOME EU COUNTRIES***(MEMO Journal, 2015, no.3, pp. 35-47)**Received 27.10.2014*

Anna V. GUTNIK, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation (anngutnik@mail.ru).

Yurii D. KVASHNIN, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation (ykvashnin@gmail.com).

Vladimir A. OLENCHENKO, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation (olenchenko.vladimir@mail.ru).

Aleksandr V. SHCHEDRIN, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation (aschedrin@imemo.ru).

Aleksei M. VOLKOV, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation (volkov@imemo.ru).

Acknowledgments. The article has been supported by a grant of the Russian Humanitarian Scientific Foundation. Project no. 14-07-00047a "European Union as a Testing Site of New Anti-Crisis Technologies under Conditions of Globalization".

*The article analyses the most recent experience of anti-recessionary policies in several EU member nations, such as UK, Nordic countries (especially Sweden), Ireland, Baltic countries and Greece. As for **Great Britain**, its government implemented traditional package of anti-crisis measures aimed at support of national financial system and stimulation of economic growth. By 2010 the nation reached relative economic stability and then proceeded into a slow recovery. Still, the crisis highlighted serious risks of ongoing financialization and de-industrialization in the UK. So, the government began to develop a long-term program of modernization and structural reshaping of national economy. **Nordic countries** also actively used Keynesian-type anti-crisis measures. The most interesting is Swedish case. The nation passed the global financial and economic crisis of 2008-2009 smoother than other EU members due to deep institutional reforms undertaken after the acute crisis of 1991-1993. Then Sweden experienced a deep fall of GDP combined with a crisis of local banks, surge of interest rates and unemployment level, weakening of national currency. This pushed Riksbank to introduce strict measures for limiting the inflation rate, Riksdag – caps for state budget expenditure. State sector of national economy was substantially decreased. These measures proved to have long-term positive implications. In contrast, **Ireland** that enjoyed an impressive economic growth before 2008 was badly prepared to external shocks. The Irish government's reactions to financial and economic turmoil were rather spontaneous. The main task was to stabilize the local financial system that suffered from excessive dependency on foreign markets. Only by 2014 Ireland showed signs of economic recovery. Similarly, **Baltic countries** found themselves to be ill prepared for functioning under economic crisis conditions. Neither national governments nor EU Commission succeeded to propose efficient anti-crisis actions. As a result, population of Baltic nations most heavily suffered from the crisis. In **Greece** crisis made inevitable substantial revision of national social and economic model, as well as the political parties' system. Under strong pressures from the EU Greece at last started to implement long-needed reforms in such spheres as budget planning, labor legislation, social insurance, healthcare and education.*

Keywords: European Union, financial and economic crisis, anti-crisis policies, state budget, unemployment, UK, Sweden, Ireland, Baltic countries, Greece.

About authors:

Aleksei M. VOLKOV, Cand. Sci. (Economy), Head of Research Group.

Anna V. GUTNIK, Research Associate.

Yurii D. KVASHNIN, Cand. Sci. (History), Head of Research Group.

Vladimir A. OLENCHENKO, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher.

Aleksandr V. SHCHEDRIN, Cand. Sci. (Economy), Senior Researcher.